

На каменной оспе

Светлой памяти двух моих дедов.

Первый дед мой, Давид Самуилович Курузбавер
И второй дед, Василий Иванович Лукощук,—
Вам, кто мир—словно Дженнер—от оспы тевтонской избавил,
Посвящает стихи недостойный и беглый ваш внук!

Хоть—под немцем ещё оставалась восставшая Прага,
В свои новые стаи сбивались вервольфы, увы,
Но две росписи ваши на каменной оспе Рейхстага,
Словно Дант и Вергилий, оставили в Вечности вы!

А затем в мрачный Бункер ворвались, почти ещё дети,
Полудетской рукой сокрушив Мировой Беспредел,
Над обугленным фюрером вставши, как ангелы смерти,
Как мужик и солдат, он в глаза вам взглянуть не посмел!

Не посмел он в глаза посмотреть вам, мальчишкам безусым,
И недаром во сне до сих пор ещё видится мне:
Мы врываемся в Бункер—восставшим из бездны Союзом—
И, друг друга обняв, остаёмся на этой Войне!

Пусть самая тогда была их малость,
Но, даже попадая в западню,
«Тридцатьчетвёрки», в землю упираясь,
Крушили фрицев мрачную броню!

И рвались в наступление упорно,
И в первый раз дрожал Гудериан,
Когда со всею яростью убойной
Шёл танк, словно Гастелло, на таран,

Всей массой в Германию врезаясь,
Сталь Круппа пробивая, будто жезл.
Вот здесь его бессмертье начиналось,
И зарево Берлина тоже здесь

Вставало над Коричневым Потопом,
Над гулом бюргерских, поехавших вспять крыш.
Валились своды—здесь вам не Европа!
Гремели сводки—здесь вам не Париж!..

Всё в памяти поблёкло, как извёстка,
И каждый получил свой голый шиш...
И только ты—сквозь выжженные вёрсты,
Как в сорок первом,—в пламени летишь!